

Курукин И.В., Никулина Е.А.
Повседневная жизнь Тайной канцелярии.
М.: Молодая гвардия; 2008. С. 53–54.

Тайная канцелярия при Елизавете работала не менее активно; но сокращение репрессий по отношению к дворянству исключало повторение процессов против знати, подобных хорошо известным «делам» аннинского царствования: Д. М. Голицына (1737), князей Долгоруковых (1739), А. П. Волынского (1740).

В следующий раз политический сыск попытался реорганизовать Петр III (1761–1762). О его активном вмешательстве в дела учреждения говорить не приходится: в начале его царствования количество и объем докладов императору тогдашнего главы канцелярии П. И. Шувалова сильно сократились, а 21 февраля 1762 года государь упразднил Тайную канцелярию. В манифесте о ее ликвидации говорилось, что Петр I учредил ее из-за «неисправленных в народе нравов»; однако они уже явно изменились к лучшему, и «с того времени от часу меньше становилось надобности в помянутых дел канцеляриях; но как Тайная розыскных дел канцелярия всегда оставалась в своей силе, то злым, подлым и бездельным людям подавался способ, или ложными затеями протягивать вдаль заслуженные ими казни и наказания, или же зlostнейшими клеветами обносить своих начальников или неприятелей». Вместе с ликвидацией Тайной канцелярии отменялась и зловещая формула: «Ненавистное выражение, а именно: слово и дело не долженствует отныне значить ничего; и мы запрещаем не употреблять оно никому; а если кто отныне оно употребит в пьянстве или в драке, или избегая побоев и наказания, таковых тотчас наказывать так, как от полиции наказываются озорники и безчинники»¹.

В марте-апреле 1762 года сенаторы разбирали дела упраздненной канцелярии и решали, что делать с ее арестантами: кого — на свободу, кого — в монастырь, а кого — в Нерчинск. Правда, сам император еще 7 февраля повелел «учредить при Сенате особую экспедицию на таком же основании, как было при государе императоре Петре Втором». Манифест о ликвидации Тайной канцелярии не отменял дел «по первым двум пунктам», о которых по-прежнему, то есть письменно и устно «со всяким благочинием» полагалось доносить «в ближайшее судебное место, или к воинскому командиру», или в «резиденции» доверенным лицам императора Д. В. Волкову и А. П. Мельгунову. Теперь только не разрешалось принимать свидетельств от колодников и арестовывать оговоренных без «письменных доказательств». Разбираться с доносами должны были те же люди, что и раньше: уже через неделю после выхода манифеста сенаторы распорядились перевести штатных сотрудников Тайной канцелярии в прежнем составе и с тем же жалованьем на новое место службы — в Тайную экспедицию; возглавлял их назначенный сенатским секретарем асессор С. И. Шешковский².

Однако придворные нравы остались неизменными. Политика Петра III быстро сплотила недовольных в заговор во главе с его женой Екатериной. А временная дезорганизация карательного ведомства не позволила заранее выявить участников заговора и способствовала распространению порочивших императора слухов, которые теперь некому было пресекать. В итоге 28 июня 1762 года был успешно осуществлен дворцовый переворот, в результате чего император потерял трон, а затем и жизнь.

Более того, Александр Иванович участвовал в борьбе придворных «партий», чего Ушаков себе не позволял. В последний год царствования Елизаветы появились слухи о возможном отстранении ее племянника Петра Федоровича от наследства и передаче короны его маленькому сыну Павлу Петровичу, в чем подозревали клан Шуваловых. Позднее сама Екатерина сообщала, что «за несколько времени» до смерти императрицы Иван Шувалов предлагал воспитателю наследника Н. И. Панину «переменить наследство» и «сделать правление именем цесаревича», на что Панин ответил отказом³.

Однако сама Екатерина несколькими годами ранее обсуждала с Бестужевым-Рюминым его план, согласно которому после смерти императрицы она становилась «соправительницей» мужа, а канцлер — президентом трех «первейших» коллегий и командующим гвардейскими полками⁴. Одновременно она устроила тайное свидание с Александром Шуваловым. Его влиятельный брат Петр в августе 1756 года сообщил Екатерине о готовности ей служить, а сама она писала ему о «предательстве» Бестужева и желании «броситься в ваши объятия»⁵.

В то время — в 1756–1757 годах — эти переговоры ни к чему не привели; а несколько лет спустя елизаветинский фаворит Иван Шувалов при всех своих достоинствах уже не годился для открытой борьбы за власть, старший же его родственник, на всё способный Петр Иванович Шувалов был уже смертельно болен. Но, по словам Екатерины, в последние месяцы или даже недели жизни императрицы Шуваловы все же сумели войти в доверие к наследнику при помощи директора Шляхетского корпуса А. П. Мельгунова. Поддержка со стороны Шуваловых — вместе с лояльностью великой княгини Екатерины и усилиями самого Петра Федоровича по привлечению на свою сторону гвардейских офицеров — обеспечила выход из очередной «переворотной» ситуации.

Однако со смертью в январе 1762 года П. И. Шувалова влияние его клана пошло на убыль. Занявший престол император Петр III 28 декабря 1761 года произвел Александра Ивановича в генерал-фельдмаршалы, пожаловал ему две тысячи крепостных и назначил полковником Семеновского полка — но одновременно упразднил Тайную канцелярию, которой тот руководил многие годы. Покорный граф еще 17 февраля 1762 года до появления царского манифеста объявил своим подчиненным, что их учреждению приказано более «не быть», а 19 февраля в канцелярии был составлен последний протокол допроса⁶.

Последний раз Шувалов продемонстрировал придворный талант в день переворота 28 июня 1762 года, когда вместе с М. И. Воронцовым и Н. Ю. Трубецким отбыл в столицу под предлогом разведки и «уговоров» мятежной императрицы — но сразу же перешел на ее сторону и стал заседать в Сенате. После воцарения Екатерины II он присутствовал при ее коронации в Москве, однако его карьера была уже завершена. В январе 1763 года граф Шувалов вышел в отставку с пожалованием ему еще двух тысяч крестьянских душ.

После принятого 23 февраля 1762 года манифеста об уничтожении Тайной канцелярии вышел менее известный указ Сената, чтобы всем канцеляристам и чиновникам Тайной канцелярии «быть на том же жаловании, как они ныне получают», до тех пор, пока «дела отданы и о наличных колодниках рассмотрено будет»; отныне всем этим чиновникам надлежало состоять «при Сенате», а в Москве — «при Сенатской конторе». В этом же указе была сделана особая оговорка: «Однако ж из них асессора Шешковского, переименовав того ж ранга сенатским секретарем ныне же

действительно и определить во учреждавшую для того при сенате экспедицию»⁷. Так было названо имя нового фактического начальника этого учреждения при Екатерине II.

Императорский «кнутобоец» Степан Шешковский

Приведший Екатерину на трон переворот показал, что объявленная покойным Петром III в манифесте 21 февраля «милость для всех добрых и верных подданных» несколько преждевременна, поскольку «умыслы противу нашего императорского здравия, персоны и чести» оказались отнюдь не «тщетными и всегда на собственную погибель злодеев обращающимися».

Гвардейские солдаты и офицеры, чьими руками совершался переворот, в те дни искренне видели себя «делателями королей» и с нетерпением ожидали награды. Пряников же, как обычно, на всех не хватило. И тогда бравый гвардеец, прогулявший полученную пригоршню рублей, мог с понятным неодобрением смотреть на избранных счастливых. Зависть и недовольство вместе с видимой легкостью совершения «революции» порождали стремление «исправить» положение. Эту тенденцию выразил один из ближайших к Екатерине лиц Никита Иванович Панин: «Мы с лишком тридцать лет обращаемся в революциях на престоле, и чем больше их сила распространяется между подлых людей, тем они смелее, безопаснее и возможнее стали». На практике это означало, что в 1760-е годы Екатерине постоянно приходилось иметь дело с попытками — пусть не очень опасными — нового заговора. Кроме того, в это время обострилась борьба придворных «партий» за контроль над внешней политикой империи и за влияние на императрицу.

Поначалу Екатерина возложила высший надзор над политическим сыском на генерал-прокурора А. И. Глебова — нечистого на руку дельца, назначенного на этот пост Петром III и удачно изменившего благодетелю. Самого Глебова императрица сначала поставила под контроль Н. И. Панина, а затем уволила. Назначенному на его место князю Александру Алексеевичу Вяземскому секретным указом в феврале 1764 года было велено совместно с Паниным заведовать тайными делами⁸. На этом посту он и оставался вплоть до своей смерти в 1792 году; после чего этими делами ведали новый генерал-прокурор и родственник Потемкина А. Н. Самойлов и статс-секретарь императрицы В. С. Попов, руководивший в течение многих лет канцелярией Потемкина, а потом императорским Кабинетом.

С. 168.

Манифест 1762 года об упразднении Тайной канцелярии доноса не отменял, но требовал от местного начальства доносителя «увещевать, не напрасно ли, или не по злобе ли и мщению на кого затеял? а когда и при всем увещевании доноситель не отречется от своего доноса, тогда посадить его на два дня под крепкий караул, и не давать ни питья, ни пищи, но оставить ему все сие время на размышление, по прошествии же сих дней, паки спрашивать со увещеванием, истинен ли его донос, и не затеял ли напрасно, и буде и тогда утвердится, а дело действительно касается до первых двух пунктов, в таком случае доносителя под крепким караулом отсылать, буде близко от Санктпетербурга или Москвы, то в Сенат или Сенатскую контору, буде же нет, то в ближайшую губернскую канцелярию». Такая процедура, по мнению законодателя, должна была гарантировать подлинность доноса. Хорошо еще, что отныне власть разрешала «того или тех, на кого он (доносчик. — И. К., Е. Н.) без

свидетелей и письменных докозательств доносит, под караул не брать, ниже подозрительными не почитать до того времени, пока дело в вышнем месте надлежаще рассмотрено будет, а об тех, на кого донесено, указ воспоследует».

С. 230.

В манифесте от 21 февраля 1762 года в который раз подчеркивалось, что «все в воровстве, смертоубийстве и других смертных преступлениях пойманные, осужденные и в ссылке, также на каторги посланные колодники ни о каких делах доносителями быть не могут». Этот закон впервые устанавливал различные по степени тяжести наказания в зависимости от условий признания подсудимым своей вины, выделяя три категории ложных изветчиков: 1) повинившихся с первого увещания; 2) покаявшихся через два дня после размышлений; 3) презревших все доводы и признавших вину только перед пыткой. Впервые же была зафиксирована зависимость тяжести наказания от социального статуса виновного: по седьмому пункту в случае, если «подлые» люди станут доносить в процессе наказания или перед таковым, следовало удвоить меру воздействия; пункт 9 определял привилегии для подсудимых «благородного» сословия: виновных по первым двум пунктам «слова и дела» дворян (в том числе уличенных в ложных доносах) надлежало оставлять на свободе, не давая хода делу до особого указа из Сената⁹.

С. 319–321.

«А с пытки говорил»

При Петре I допросы велись в Трубецком раскате, где было помещение для пыток¹⁰; где пытали позднее, сказать трудно — возможно, в разных местах. «У пытки», но еще до ее начала, следовал последний допрос «с пристрастием»: «Февраля 26-го дня по вышеписанному Тайной канцелярии определению Санкт-Петербургской купеческой человек Петр Дорофеев (поступил из Синода 20 февраля 1733 года. — И. К., Е. Н.) ис подлинной правды привожен в застенки и спрашиван с пристрастием. И поставлен был в ремень, и платье <...> снято. И говорено было ему, чтоб <...> объявлял истинну, а ежели не объявит, то будет пытан»¹¹. Многие подсудимые давали признательные показания именно на этом этапе «розыска»; тех же, кто продолжал упорствовать, передавали в руки «заплечных дел мастера».

Оставившие свои воспоминания о пребывании в России иноземцы XVI–XVII веков писали о разнообразных пыточных приемах: перебивании ребер раскаленными железными клещами, ломании пяток, вколачивании деревянных гвоздей под пятки, вырезании мяса из-под ногтей, прижигании причиненных кнутом ран раскаленным железом или растравлении их солью, выливании по капле холодной воды на обритуемую голову допрашиваемого; обвиняемого могли накормить соленой пищей и посадить в жарко натопленную баню, не давая воды.

Среди бумаг Тайной канцелярии сохранился «Обряд, како обвиненный пыгается», составленный уже в 60-е годы XVIII века то ли в качестве исторической справки, то ли как пособие для сотрудников:

«Для пытки приличившихся в злодействах зделано особое место, называемое застенки, огорожен полисадником и покрыт для того, что при пытках бывают судьи и

секретарь, и для записки пыточных речей подьячей; и, в силу указа 1742-го году, велено, записав пыточные речи, крепить судьям, не выходя из застенка.

В застенке ж для пытки зделана дыба, состоящая в трех столбах, ис которых два вкопаны в землю, а третьей сверху, поперег. И когда назначено будет для пытки время, то кат или палач явиться должен в застенок с своими инструментами, а оные есть: хомут шерстяной, к которому пришта веревка долгая; кнутья, и ремень, которым пытанному ноги связывают.

По приходе судей в застенок и по разсуждении, в чем подлежащего к пытки спрашивать должно, приводитца тот, которого пытать надлежит, и от караульного отдаетца палачу; которой долгую веревку перекинет чрез поперечной в дыбе столб, и взяв подлежащего к пытке, руки назад заворотит, и положи их в хомут, чрез приставленных для того людей встегивается, дабы пытанной на земле не стоял; у которого руки и выворотит совсем назад, и он на них висит; потом свяжет показаным выше ремнем ноги, и привязывает к вделанному нарочно впереди дыбы столбу; и растянувши сим образом, бьет кнутом, где и спрашивается о злодействах и все записывается, что таковой сказывать станет.

Естьли ж ис подлежащих к пытке такой случитца, которой изобличается во многом злодействе, а он запирается, и по делу обстоятельства доказывают его к подозрению, то для изыскания истины употребляются нарочно:

1-е тиски зделанные из железа в трех полосах свинтами, в которые кладутся злодея персты сверху большия два из рук, а внизу ножныя два и свинчиваются от палача до тех пор, пока или повинится, или не можно будет больше жать перстов и винт не будет действовать.

2-е. Наложя на голову веревку и просунув кляп и вертят так, что оной изумленным бывает; потом простригают на голове волосы до тела, и на то место льют холодную воду только что почти по капле, от чего также в изумление приходит.

3-е. При пытке, во время таково ж запираательства, и для изыскания истины пытанному, когда висит на дыбе, кладут между ног на ремень, которым они связаны, бревно и на оное палач становится за тем, чтоб на виске потянуть его, дабы более истязания чувствовал. Естьли же и потому истины показывать не будет, снимая пытаного с дыбы, правят руки, а потом опять на дыбу таким же образом поднимают для того, что и чрез то боли бывает больше.

Хотя по законам положено только три раза пытать, но когда случится пытаной на второй или на третьей пытке речи переменит, то еще трижды пытается. И если переговаривать будет в трех пытках, то пытки употребляются до тех пор, пока с трех пыток одинаковое скажет, ибо сколько б раз пытан ни был, а есть ли в чем нибудь разнить в показаниях будет, то в утверждение должен еще три пытки вытерпеть; а потом и огонь таким образом: палач отвязав привязанные ноги от столба, висячего на дыбе ростянет и, зажегши веник, с огнем водит по спине, на что употребляетца веников три или больше, смотря по обстоятельству пытанного»¹².

Однако исследователи деятельности политического сыска (в том числе авторы этих строк) отмечают, что на основании рассмотренных ими дел говорить о применении всего арсенала пыточных средств не приходится, хотя закон 1715 года («Краткое изображение процессов или судебных тяжб») юридически не ограничивал способы пытки. Только в единичных случаях упоминается «вождение по спицам» — острым деревянным колышкам или стягивание головы допрашиваемого веревкой, закручиваемой с помощью палки-рычага: «мучали и клячем голову вертели»¹³. Бывший придворный Василий Васильевич Головин спустя много лет записал в календаре, как

его пытали в Москве в 1737 году на следствии по неизвестному нам делу: «Такого-то числа подчищали ногти у меня, бедного и грешного человека, которые были изуродованы. Благодарение Господу — ныне мы благоденствуем!» (возможно, подследственному «прочистили под ногтями» раскаленными иглами). Во всяком случае, пребывание в Тайной канцелярии так запомнилось Головину, что после освобождения 3 марта 1738 года он ежегодно в этот день заказывал молебен, а обращение к старосте и дворецкому начинал со слов: «Друзья мои, не пытаные и не мученные»¹⁴.

С. 329–330.

Указ Петра III о ликвидации Тайной канцелярии не отменял самого «розыска», как и пыток, призывая только допрашивать «таких доносителей, кои существо первых двух пунктов ведают, доносят о деле действительно до оных принадлежащем, и несмотря на вышеизображенные увещевания и данное время к размышлению, а не имеют однакож ни свидетелей, ни доказательств, сколько можно, без пытки». Это пожелание повторила Екатерина II в своем указе в октябре 1762 года¹⁵. Спустя два месяца Сенат внял монаршему милосердию. Приведя примеры усердия местных властей по делам сомнительным и просто мелочным (о крестьянине Андрее Козицыне, который «с распроса и с пыток показал на себя, что он лет с пятнадцать (...) учился чародейству и волшебству» и таким образом «портил» местных женок, или о «девке» Агриппине Мырзиной, известной «блудодейством» и пытанной из-за кражи 30 копеек), сенаторы указали провинциальным и воеводским канцеляриям «в пытках по делам поступать со всяким осмотрением, дабы невинные напрасно истязаны и напрасного кровопролития не было, под опасением тяжчайшего за то по указам штрафа».

С. 362–363.

Важнейшей причиной бесславного конца полугодичного царствования Петра III стала хаотичная и импульсивная деятельность самого монарха, непродуманные назначения и решения (не имевшая механизма реализации секуляризация, вызвавший возражения указ о свободе торговли). Попытка возродить стиль руководства великого деда привела к внешнему копированию его образа жизни, ставшему жалкой пародией. В итоге многие поспешно принятые решения саботировались, о чем свидетельствует составленная при Екатерине II ведомость об исполненных и неисполненных указах предыдущего царствования. Император последовательно стремился к войне с Данией, несмотря на сопротивление высшей бюрократии и неготовность армии.

Политика Петра III и сам повседневный стиль его жизни вызывали отторжение у двора и гвардии, которую государь собирался «разбавить» ее солдатами из армейских частей и приступил к созданию десятитысячного корпуса на смену «старым» полкам. Эти круги стали питательной средой заговора, детали которого нам до сих пор неизвестны. На начальном этапе в нем участвовала небольшая группа близких Екатерине людей (включая братьев Орловых и Никиту Панина), которая за три-четыре недели смогла развернуться в солидное предприятие. Другим условием успеха заговора стала децентрализация — наличие, по словам Екатерины, «четырех отдельных партий». Такой представляется структура заговора «по горизонтали»; «по вертикали» она включала в себя вельмож, часть из которых — например гетман и фельдмаршал Кирилл Разумовский — была давно связана с Екатериной.

Особенностью «революции» 1762 года стало соблюдение дистанции между офицерами и солдатами, с одной стороны, и «генералитетом» и офицерами — с другой. Такая тактика была оправдана, о чем говорит эпизод с солдатом-преображенцем, пристававшим к офицерам с вопросом: «Скоро ли свергнут императора?» — в результате чего был арестован один из заговорщиков, Пассек. О такой же солдатской болтовне писал будущий поэт, а тогда гвардейский солдат Г. Р. Державин: «Когда выйдет полк в Ямскую <...>, то мы спросим, куда и зачем нас ведут, оставя нашу матушку-государыню, которой мы рады служить». Попытки предупредить императора о возмущении (например, со стороны подполковника лейб-кирасирского полка Будберга или преображенца И. А. Долгорукова) оказались тщетными не только из-за беспечности Петра III, но и потому, что доносители не могли сказать ничего определенного ни о руководителях заговора, ни о составе «партий». Основная масса «солдатства» в подготовке выступления не участвовала, но была соответствующим образом настроена. Для этого Екатерина и ее окружение развернули пропагандистскую кампанию по дискредитации императора: по столице ходили слухи о «всенародном объявлении веры Лютера», перемене всех жен у министров и венчании Петра III с любовницей Елизаветой Воронцовой при живой жене.

Необычной была и тактика переворота: его организаторы обеспечили присоединение к мятежу одного за другим всех гвардейских полков, чем (в сочетании со слухом о смерти императора) парализовали верных присяге офицеров. Благодаря четкой работе Военной коллегии и усилиям дежурных генерал-адъютантов мятежники были в курсе расположения и передвижения военных частей в окрестностях столицы и блокировали все распоряжения императора.

Успеху переворота способствовала также дезорганизация работы сыска — как раз в 1762 году Петр III упразднил Тайную канцелярию и оставил не у дел ее многолетнего начальника А. И. Шувалова. Однако последствия переворота, как это было и в 1740-х годах, продолжали беспокоить правящие круги империи еще несколько лет.

С. 383.

Самозванные Петры и Павлы

Следствием усилий по сакрализации монарха стала дискредитация самой духовной власти, потерявшей даже относительную независимость. Социальный протест в сочетании с консервативной оппозицией новшествам порождал в народном сознании ожидание истинного, «праведного» государя. Последний же в народном представлении (как и в реальности) не получал престол извечным и строго определенным порядком, но занимал его по Божественному определению (на деле — путем дворцового переворота), для чего желательно было предъявить какие-либо доказательства — например «царские знаки» на теле¹⁶.

С. 390–395.

Наконец, наиболее популярным оказалось имя Петра III, которое принимали уже десятки людей. В октябре 1763 года украинский сотник Федор Крыса в письме на имя генерал-прокурора Глебова сообщил, что, по его сведениям, государь не только жив, но якобы уже послал неверной супруге «подарок» — платок и табакерку¹⁷. Так через год с небольшим после отречения и гибели император «воскрес» в народном сознании в

качестве «добрého» царя, тайно ходившего и ездившего по стране «для разведывания о народных обидах». Уже в 1764 году о нем как о живом стали говорить солдаты столичного гарнизона, а вслед за тем появились и первые из известных нам самозванных «Петров III» — украинец Николай Колченко и неудачливый армянский купец Антон Асланбеков¹⁸. Вступил в силу механизм «нижнего» самозванства: образ безвинно изгнанного государя начал свое самостоятельное существование и доставил Екатерине II куда больше хлопот, чем его прототип.

В 1765 году в этом качестве объявились беглые солдаты из однодворцев Гаврила Кремнев и Петр Чернышев; первый возмущал народ в Воронежской губернии; второй — в слободе Купенке на территории Слободской Украины. Кремнев обеспечил себе идеологическую поддержку со стороны группы попов, признавших его царское достоинство, и выдвинул «программу»: объявить свободу винокурения, «сложить» подушную подать на 12 лет и впредь заменить ее натуральным сбором в два гарнца хлеба. Самозванец уже собирался «в Воронеже принимать корону», объявлял присягу, обещал жаловать своих приверженцев в чины и наделять их «людьми». Желавшие нашлись — на следствии приговоры были вынесены 42 сподвижникам Кремнева, остальных пришлось наказывать выборочно — пороть каждого пятого.

После некоторого затишья (возможно, далеко не все имена «объявлявшихся» в это время самозванцев нам известны) на сцену выходят новые «Петры III». В 1772 году в Дубовке на Волге выдавал себя за императора солдат Федот Богомолов, имевший при себе такого же самозваного «государственного секретаря» — солдата Спиридона Долотина. При попытке возмутить казаков Богомолов был схвачен, но даже сидя в царицынской тюрьме, он настаивал на своем, показывал «знаки» на груди и вызвал неудавшуюся попытку мятежа. На суде самозванец показал, что Петром III «объявил о себе в пьянстве своем, без дальнего замысла», был наказан кнутом, «урезанием» ноздрей и по дороге на каторгу умер. Но уже в следующем году это же царское имя «всклепали» на себя беглый каторжный разбойник Рябов и капитан оренбургского гарнизона Николай Кретов; последний на роль народного вождя не претендовал, а пытался действовать в духе гоголевского Хлестакова с целью раздобыть у легковверных оренбуржцев и ссыльных денег и умер во время следствия. Самым знаменитым из нескольких десятков «императоров» стал донской казак Емельян Пугачев, сумевший почти на равных сражаться за власть с Екатериной II в 1773–1774 годах.

Тайная экспедиция, естественно, вела следствие по делу Пугачева и его сообщников; сам Шешковский в Москве несколько дней допрашивал самозванца. Но массовое движение показало не только слабость местных властей, но и неготовность тайного сыска к событиям такого масштаба. Небольшой аппарат не мог охватить всех случаев повстанческой агитации, и ими приходилось заниматься губернским и провинциальным канцеляриям.

Беглый матрос Федор Волков в июле 1774 года в Юрьевецкой воеводской канцелярии показывал, что из Алатыря был послан Пугачевым в числе 50 человек во главе с казацким есаулом до Москвы «для присмотру и разведывания по разным городам и селениям». Повстанческий «агитатор» Иван Пономарев дошел до Коломны, в конце июля 1774 года был схвачен, наказан батогами и сослан в Таганрог на каторгу. В конце июля повстанческие разведчики ходили по Москве и записывали, что говорят о Пугачеве. Им было дано задание выяснить, готовы ли москвичи к его встрече и будут ли «рады, если скоро придет сюда Петр Федорович». Одновременно с посланцами восставших в центральные уезды России проникали их указы и манифесты; в январе 1774 года такой «пасквиль» был найден даже в Зимнем дворце. В Москве в октябре

были задержаны беглые крестьяне отставного советника П. Татищева Василий Афанасьев и Андрей Иванов с копией повстанческого манифеста от 31 июля 1774 года. В таких случаях Тайная экспедиция ограничивалась извещением губернаторов и Малороссийской коллегии «о посланных от <...> Пугачева с письмами людям».

Были созданы временные секретные Оренбургская и Казанская комиссии, в состав которых наряду с гвардейскими офицерами входили и чиновники Тайной экспедиции. Так, коллежский секретарь Александр Чередин и канцелярист Качубеев были присланы в Московскую контору Тайной экспедиции, а к Казанской секретной комиссии прикомандированы канцеляристы Тайной экспедиции Михаил Попов и Семен Балохонцев. В комиссиях составлялись экстракты следственных дел, по которым в Тайной экспедиции выносились решения после получения указаний от Екатерины II, принимавшей в розыске самое деятельное участие. Приговоры приводились в исполнение секретными комиссиями на месте.

Но были и казусы, которые рассматривались в самой Тайной экспедиции, — например, дело бывшего сержанта гвардии Петра Бабаева, публично «признавшего» в январе 1774 года Пугачева «точно за истинного Петра Третьего, о чем всюду и всем сказывал и уверял». Розыск по делу Федора Гориянова — дворового человека отставного поручика Усова — показал, что и другие дворовые говорили между собой о Пугачеве, что он подлинно Петр III, у него много войска, что он скоро будет в Москве и «они все будут за него стоять, и если бы они отданы были в солдаты, то они бы все пошли к нему на службу». Повар Ремесленников добавлял, что Пугачев «в Москве белопузых (дворян. — *И. К., Е. Н.*) всех перерубит». Солдаты Нарвского полка Ларион Казаков и Никита Копнин в мае 1774 года были осуждены Тайной экспедицией к наказанию шпицрутенами «через полк шесть раз» за намерение бежать из полка «в шайку к Пугачеву» и подговор к тому других солдат. Преображенцы Ляхов, Мясников и Филиппов, пойманные уже в Новгородской губернии, в Тайной экспедиции сознались в намерении «итти на службу <...> к Пугачеву <...>, чая получить от него <...> награждение».

Всего Тайная экспедиция вынесла решения по 685 розыскам участников крестьянской войны, из которых 177 были делами крестьян, 246 — казаков, 22 — работных людей с уральских заводов, 55 — башкир, татар, чувашей. Кроме них были осуждены 13 солдат, 140 священников и 29 дворян, преимущественно офицеров. Крестьян после наказания кнутом или плетью отправляли обратно к помещикам или на каторгу в Таганрог и Рогервик, где их должны были «во всю жизнь содержать в оковах», или на поселение в Сибирь; так же наказывали работных людей. Священников обычно не подвергали телесным наказаниям, но «лиша священства, посылали в Нерчинск на каторжную работу вечно» или отправляли в солдаты; «а буде негодны, то положив в подушный оклад, причисляли во крестьянство». В феврале 1774 года за сдачу в плен и присягу самозванцу Тайная экспедиция осудила к лишению чинов и дворянского звания и отправке в солдаты поручика Илью Щипачева, прапорщика Ивана Черемисова, подпрапорщика Богдана Буткевича¹⁹.

Одновременно с Пугачевым в 1774 году назвался Петром III тамбовский крестьянин Иов Мосягин, но совершить ничего достойного не успел, поскольку сразу был схвачен и умер после «эзекуции» кнутом. После разгрома восстания имя Петра III продолжало жить: в 1776 году в соответствии с «его» указом о «сыскивании дворян» громил помещичьи имения Воронежской губернии отряд однодворца Ивана Сергеева; в 1778 году солдат царицынского гарнизона Яков Дмитриев считал, что император с армией находится в крымских степях, «и мы де ево, как отца, ожидаем сюда в

Царицын». Сами самозванные императоры появлялись также еще не раз. В 1776 году «Петром III» провозгласил себя почтальон из Нарвы Иван Андреев; в 1777-м — беглый солдат Иван Никифоров; в 1779-м — однодворец Герасим Савелов; в 1780 году — донской казак Максим Ханин.

Возможно, последними «Петрами Федоровичами» стали бывший пугачевский атаман Петр Хрипунов в 1786 году и сержант Василий Бунин в 1788 году. Бунин, впрочем, был не самостоятельной фигурой, а «выдвиженцем» (с не вполне понятными намерениями) вдовы-полковницы Марии Тюменевой. По словам самозванца, Тюменева «вклепалась в него» и распространяла слухи о необычном происхождении отставного вояки; сам же он жил при барыне в свое удовольствие, «обращаясь в пьянстве»²⁰. В 1796 году появился уже «сын» неудачливого государя — беглый дворовый Ксенофонт Владимиров из-под Саратова.

¹ См.: ПСЗРИ. Т. 15. № 11445.

² См. : *Самойлов В.* Возникновение Тайной экспедиции при Сенате // Вопросы истории (далее – ВИ). 1948. № 6. С. 80–81; РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. № 1730. Л. 31 об.

³ См.: Две заметки Екатерины II // Русский архив (далее – РА). 1863. С. 383–384; *Шумигорский Е. С.* Императрица Екатерина II в начале царствования Петра III // РС. 1899. № 4. С. 30.

⁴ См.: *Чечулин Н. Д.* Екатерина II в борьбе за престол. Л., 1924. С. 101–103.

⁵ См.: Переписка великой княгини Екатерины Алексеевны и английского посла Ч. Г. Уильямса 1756 и 1757 гг. // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских (далее – ЧОИДР). 1909. Кн. 2. Отд. 1. С. 111, 248, 269.

⁶ См.: РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. № 266. Ч. 90. Л. 203–204.

⁷ Цит. по: *Веретенников В. И.* Из истории Тайной канцелярии. 1731–1762 гг. С. 118.

⁸ См.: *Сивков К. В.* Указ. соч. С. 98–99.

⁹ См.: *Переладов К. Г.* Законодательные акты в сфере политического сыска (1730–1762). С. 92–93.

¹⁰ См.: *Ефимов С. В.* Тайная канцелярия в Санкт-Петербурге при Петре I. С. 56.

¹¹ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. № 277. Ч. 2. Л. 426.

¹² Обряд како обвиненный пытается // РС. 1873. № 7. С. 58–59. См. также: *Веретенников В. И.* Из истории Тайной канцелярии. 1731–1762 гг. С. 104.

¹³ См.: *Анисимов Е. В.* Дыба и кнут. С. 415–416.

¹⁴ Цит. по: *Казанский П.* Родословная Головиных, владельцев села Новоспасского. М., 1847. С. 58.

¹⁵ См.: Там же. Т. 15. № 11445; Т. 16. № 11687.

¹⁶ См.: *Живов В. М., Успенский Б. А.* Царь и бог: семиотические аспекты сакрализации монарха в России // *Успенский Б. А.* Избранные труды. М., 1996. Т. I. С. 219; *Успенский Б. А.* Historia sub specie semioticae // *Успенский Б. А.* Избранные труды. Т. 1. С. 73.

¹⁷ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. № 2065. Л. 48–48 об.

¹⁸ РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. № 2047. Ч. 1. Л. 167 об. О первом и последующих самозванцах см.: *Сивков К. В.* Самозванцы в России в последней трети XVIII в. // Исторические записки. 1950. Т. 31. С. 97 и далее.

¹⁹ См.: *Джинчарадзе В. З.* Указ. соч. Т. 2. Вып. 2. С. 86–92.

²⁰ См.: Отголоски пугачевского бунта // РС. 1905. № 6. С. 662–670; Еще тень Пугачева // РА. 1871. № 12. С. 2055–2065.